

п. М.И. Григорий Богослов архие

**Житие Св. Григория
Назианзина, писанное им
самим, с присовокуплением
поэмы на несчастья в его
ЖИЗНИ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
П11

П11 **п. М.И. Григорий Богослов архие**
Житие Св. Григория Назианзина, писанное им самим, с присовокуплением
поэмы на несчастья в его жизни / п. М.И. Григорий Богослов архие – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 102 с.

ISBN 978-5-518-06407-2

ISBN 978-5-518-06407-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

жизнь сію, составленный, увы! изъ брениа, и обложенный тлѣннымъ тѣломъ, отъ котораго большею частію мы бываемъ побѣждаемы, а рѣдко, да и едва, бываемъ онаго побѣдителями. Но какъ рожденіе мое было для меня и многоаго добра источникомъ; то не могу я быть ко Всевышнему неблагодарнымъ.

Едва я родился, какъ уже и принадлежу другому; но благо сіе приверженіе! Богу-бо привожуся, яко агнецъ нѣкій, или единоплѣтный телець, жертва знаменитая и разумомъ почитенная; не дерзаю-же рыци, яко Самуиль новый, развѣ по сходству объта посвятившихъ меня Господу Богу. Потомъ, воспитываемъ во всякихъ добродѣтеляхъ (ибо въ дому своемъ имѣлъ превосходные въ томъ примѣры); еще отъ пеленъ показывалъ нравы и важность, приличные старцамъ. И какъ облако рождается изъ облака, такъ любовь къ истинѣ постепенно во мнѣ умножалась. Возрастая лѣтами, а вкуцѣ и разумомъ, особливо прильпился я къ чтенію книгъ, поборствующихъ по Богъ, и всегдашнее имѣлъ собесѣдованіе съ мужами честными и добродѣтельными. Таково было начало житія моего. Но продолженіе онаго не знаю какимъ теченіемъ слова мнѣ описывать? Умолчу-ли тѣ чудесныя средства; каковыми Богъ, видя мое благое начало и расположеніе, побуждалъ ме.

я далѣ въ томъ простираться? Тако-бо ведетъ. Онъ обыкновенно благочестивыя души ко спасенію; или возвѣститъ мнѣ ихъ предъ всѣми? первое можетъ быть знакомъ неблагодарности, послѣднее не покажется-ли тщеславнымъ? лучше умолчать (довѣсть и того, что самъ оное знаю), дабы настоящее состояніе моего житія не было противно моей повѣсти, и не показалось весьма удаленнымъ отъ прежней моей благочестивой ревности. Что повелѣваетъ самая нужда, возвѣщу то предъ всѣми.

Въ то время, когда власы не покрывали еще ланить моихъ, вселилась въ меня любовь къ наукамъ. Восхотѣлъ я свѣтскія знанія употребить въ пользу божественной истины, и показать, что вотще тѣ гордятся, кои ничего не знаютъ, кромѣ суетнаго и пустаго краснорѣчія, состоящаго въ пріятности единыхъ словъ и гласа.

Не вдавался я въ хитрости сплѣтенія Діалектики. Впрочемъ ничто и не встрѣчалось разуму моему лучше святыни, коя была цѣлію моего прилежанія. Но не могъ я избѣгнуть неосторожностей возраста моего, возраста, огнемъ преисполненнаго, удобно ввѣряющагося быстротѣ естественной. Такъ молодой конь быстро пускается въ пространныя поля. Я оказался успѣхъ въ училищѣ Александрійскомъ.

Наконецъ, желая быть въ Греціи, выѣхалъ из сего города въ такое годовое время, кое не удобно къ мореплаванію, и въ которое море становилось опаснымъ. Показывался уже знакъ тельца. Тотъ дерзокъ, говорятъ искусные мореходцы, кто пускается въ море подъ симъ созвѣдіемъ. Корабль нашъ плыль подлѣ береговъ Кипрскихъ. Вдругъ подули вѣтры, темная ночь окружаетъ насъ, покрываетъ землю, море и небо. Громовые удары сопровождаются молніею. Снасти стонуть подъ тяжестью надутыхъ и мокрыхъ парусовъ, колеблется мачта. Не можно править и кормиломъ: влечетъ оно возложившаго на него руку свою. Волны наполняютъ нутрь корабельный. Стонъ и вопль слышны отовсюду. Корабельщики, путешественники, всѣ согласно призываютъ Христа, и не вѣдущіе имени Его къ Нему-же возсылаютъ гласы: страхъ есть властный наставникъ! Величайшее зло наше состояло въ недостаткѣ прѣсныхъ воды: сильныя порывы выбросили изъ корабля въ море бочку, драгоцѣнное сокровище содержащую. Кромѣ жажды, бороться надлежало съ голодомъ, съ волнами и вѣтромъ. Пали бы мы подъ бременемъ сихъ злключеній, если бы Богъ не избавилъ насъ скорою Своею помощію.

Финикійскіе купцы насъ усмотрѣли; хотя они и сами были въ опасности, однакожъ

крайность бѣдствія нашего ихъ тронула. Гребцовъ у нихъ было много: они догнали насъ. Ихъ человеколюбіе спасло животь нашъ. Уже мы были полумертвы, подобны рыбамъ, изъ моря на брегъ извлеченнымъ и умирающимъ, или свѣтильникамъ, угасающимъ отъ недостатка елѣя. Между тѣмъ море болѣ и болѣ свирѣпѣеть; и сія страшная буря нѣсколько дней продолжалась. Носимые волнами не знали мы пути нашего. Надежда оставила насъ. Всѣ съ трепетомъ ожидали предстоящія смерти: но я во внутренности своей трепеталъ болѣе всѣхъ другихъ. Увы! угрожаемый кораблекрушеніемъ, не былъ я еще омытъ водами, соединяющими насъ съ Богомъ. Вотъ бывшая причина скорби и слезъ моихъ. Сіе-то извлекало плачевный вопль мой. Раздралъ я ризы мои, повергся долгу и, воздѣвая руки горѣ, билъ рука объ руку, и бѣніе сіе слышимо было посреде волнъ морскихъ. Сіе, можетъ быть, не покажется вѣроятнымъ, хотя была то самая истина. Сопутешественники мои, забывъ собственную свою опасность, оплакивали злосчастіе мое. Ихъ благочестіе въ общемъ страхѣ соединяло обѣты ихъ съ моими соболѣзнованіями. Толико трогало ихъ бѣдное мое состояніе!

О Христе! Ты былъ тогда Спасителемъ моимъ, Спасающій и нынѣ въ волнахъ жизни, меня обуевающихъ! Всей надежды мы лишились, ни-

что намъ не благопріятствовало. Не зрѣлимы ни острова, ни земли твердой, ни горы, ни пристанища, даже ни единой изъ звѣздъ, служащихъ мореходцамъ путеуказаніемъ. Не ожидая никакой помощи отъ земнаго, къ Тебѣ небесному обратилъ я взоры мои, къ Тебѣ, въ Комъ жизнь, душа, свѣтъ, сила и спасеніе призывающихъ Тя! Ты ужасаешь, поражаешь, но вмѣстѣ утѣшаешь, исцѣляешь и зло растворяешь благомъ! Дерзаль я вспомануть предъ Тобою древнія чудеса Твои, явившія міру всемогущую десницу Твою: Море, отверзающее ходъ бѣгущимъ племенамъ Израилевымъ; пораженный Египеть страшными ранами; побѣжденнаго Амалика единымъ воздѣяніемъ рукъ Моисѣевыхъ; порабощенныя цѣлыя Государства съ Царями ихъ; разрушенныя стѣны единымъ обхожденіемъ людей Твоихъ при звукѣ трубномъ; дерзаль присовокупить къ симъ преславнымъ чудесамъ сотворенныя и во мнѣ самомъ. Твой есмь азъ, возопилъ я, о, Боже мой! и въ день сей я больше Твой, нежели когда-либо прежде. Сподоби дважды пріять меня. Жертва, хотя малаго стоящая, приносится Тебѣ въ даръ отъ земли и моря. Посвященный обътомъ матери и жестокостію ужаса, Тебя ради жить я буду, если избѣгну настоящія опасности; когда-же погибну, Ты лишишься читателя Твоего. Ученикъ Твой посред-

дѣ бури; возстани въ помощь его, преиди по воснамъ, да ичезнутъ бѣды наши!

Едва скончалъ я слова сіи, буря утихла, волны опустились, корабль взялъ теченіе свое. И сколь драгоцѣненъ плодъ молитвы моея! Всѣ бывшіе на корабль обратились ко Іисусу Христу. И такъ, получа сугубую милость, спаслись мы сугубымъ образомъ!

Оставя за собою островъ Родосскій, и воздвигнутые благопріятнымъ вѣтромъ, вскорѣ приплыли мы въ Егинскую пристань. Корабль былъ отъ земли сея; оттуда поѣхалъ я въ Аѳины, гдѣ и посѣщалъ училища.

Пусть другіе скажутъ, какъ жили мы тамъ въ страхъ Господнемъ, какъ были почтены Христіанами, и какъ текли дни наши сладко и покойно посередъ великаго числа юношей дерзкихъ и пылкихъ, вдавшихся стремленію возраста своего. Прозрачный источникъ сохраняетъ, говорятъ, сладость свою посередъ горькихъ волнъ; подобно и мы не соблазнялись худыми примѣрами, и не преставали вести друзей нашихъ къ добродѣтели и истинѣ. Господь благоволилъ удостоить меня особливою милостію, даровавъ мнѣ друга мудрѣйшаго, почтеннѣйшаго и ученѣйшаго изъ многихъ. Кого, спросятъ меня? Едино имя его ознаменуетъ. Василія! сего Василія, оказавшаго толикія услуги вѣку своему. Я съ нимъ

жилъ, соучаствовалъ ему въ ученіи и умозрѣнїи, и, если дозволится сказать, мы составляли двойцу, приносившую нѣкоторую честь Греціи. Все у насъ было нераздѣльно. Казалось, единая душа оживляла два тѣла. Но служеніе Божіе и любовь къ добродѣтели совершали наиболѣе тѣсный союзъ нашъ. Какъ скоро достигли мы до верха взаимныя довѣренности, такъ что ничего другъ отъ друга сокровеннаго не имѣли: то почувствовали мы, что узелъ дружбы нашей болѣе укрѣпился. Согласіе чувствованій есть узелъ сердець. — Приближалась минута возвращенія въ отечество наше, гдѣ надлежало избрать состояніе. Многое мы посвятили время на ученіе, и мнѣ свершался уже тридесатый годъ. Тогда позналъ я всю нѣжность соученикомъ нашихъ и выгодное ихъ о себѣ мнѣніе. Наконецъ настала опредѣленный день, который былъ днемъ горести и боренія. Вообрази въ мысляхъ своихъ сіи объятія, сіи разговоры, слезами растворенные, послѣднія сіи прощанія, въ коихъ разлука, кажется, усугубляетъ дружество. Товарищи наши съ прискорбіемъ согласились на причины, принудившія Василія къ отъѣзду. Я еще не могу безъ слезъ вспомнить горестнаго сего событія. Меня окружали друзья и посторонніе, товарищи, учителя, всѣ соединяли прозьбы и жалобы, удер-

живали силою; ибо дружба и до того иногда доходить. Крѣпко обнимая меня, клялись, что не согласятся на отъездъ мой, присовокупляя, что я принадлежу Аѳинамъ, и не должно похищать у города, что ему принадлежить.

Они удостоивали меня награжденія за краснорѣчіе. Наконецъ уговорили меня. Единый только твердый дубъ могъ противустоять столь нѣжной и усиленной просьбѣ. Но совсѣмъ тѣмъ я не былъ убѣжденъ; любовь къ отечеству увлекала меня. Отечество, гдѣ вѣра болѣе нежели гдѣ-либо торжествуетъ, въ тебѣ уповалъ я безпрепятственно посвятить себя Христіанскому любомудрію! (в). Притомъ воспоминалъ я

(в) Весьма достойно примѣчанія то, что у многихъ Отцевъ Греческія Церкви, какъ то: у Св. Іустина и Григорія Назіанзина слова *Философа* и *Христіанинъ* суть синонимы, т. е. однозначущи. И что глаголь—*Филозофѣю*—*Философствова*тъ значилъ не иное что, какъ исповѣдывать Христіанство. И сіе для того, что Христіанство въ самомъ дѣлѣ есть истинная Философія; и такъ нынѣ называющіеся Философами дане обвиняють противниковъ своихъ, нападающихъ на нихъ, яко на Философовъ. —Если-бъ подлинно они были любомудры, тогда-бы видѣли однихъ только почитателей друзей. Исповѣдуемая ими Философія есть поношеніе истиннаго Любомудрія и уничиженіе человѣческаго разума. Какіе люди мнимые сіи мудрецы! Они исполнены безстыдства и гордости ложныхъ Философовъ, коихъ Платонъ толь изрядно описываетъ и толь много презираетъ. Истинная Философія та, которая дѣлаетъ человѣка добрымъ, возвышаетъ его къ Творцу его, однимъ словомъ: которая дѣлаетъ человѣка подобнымъ Богу. По сямъ только знакамъ можно различить истинную Философію отъ ложной.

старость родителей моихъ, удрученныхъ продолжительныхъ трудовъ бременемъ, и не долго въ Афинахъ оставаясь, отправился въ путь тайно. Приѣхалъ въ отечество мое; вскорѣ принудили меня говорить рѣчь всенародно. Нужно было заплатить долгъ сей, хотя не любилъ я громкихъ рукоплесканій, ни тихаго шума, сего тщетнаго и пустаго удивленія, ласкающаго суетности Софистовъ въ многочисленномъ собраніи юношей. Первое попеченіе любомудрія моего было посвятить Богу свои знанія и самое краснорѣчіе, по примѣру тѣхъ, изъ коихъ многіе оставили стада свои и поля, а другіе повергли злато свое въ пучину морскую.

Но какъ я уже сказалъ, въ угожденіе друзей моихъ представилъ я позорище, которое было еще только началомъ боренія, или первымъ шагомъ въ опасный подвигъ. Имѣлъ я нужду въ твердомъ и благоразумномъ наставленіи. Испытывалъ я собственныя мои мысли, яко вѣрныхъ друзей, отъ коихъ ожидалъ полезныхъ совѣтовъ. Находился въ мрачной сумнительности, когда дѣло шло до избранія изящнѣйшаго въ лучшемъ. Давно уже рѣшилъ я сохранять цѣломудріе. Тогда еще болѣе укрѣпился въ семъ намѣреніи. Испытывая различныя стези Господни, не безъ труда было мнѣ узнать пріятнѣйшую и совершеннѣйшую въ глазахъ моихъ.

Имѣла кажда изъ нихъ свои выгоды, и свои неудобства. Сіе есть свойство всѣхъ человѣческихъ дѣлъ. Не лучше-ли чрезъ сравненіе изобразу я состояніе мое? Казалось, предпринималъ я дальнѣйшее путешествіе и, воизбѣжаніе опасностей и трудовъ, сопряженныхъ съ мореплаваніемъ, искалъ я пути удобнѣйшаго и безопаснѣйшаго. Начерталъ я въ мысляхъ своихъ Илію Ѳесвитянина, уединеніе и дикую его пищу на горѣ Кармилльской; пустыню—единственное жилище Св. Предтечи; бѣдную жизнь сыновъ Ионадавовыхъ. Съ другой стороны я чувствовалъ въ себѣ влеченіе къ божественному писанію, къ сему свѣтлому ученію Духа Святаго, просвѣщающаго умъ нашъ: Но совершенное уединеніе и вѣчное молчаніе не способствовали-бы трудамъ моимъ. Наконецъ утишили я въ себѣ противныя сіи движенія, и превозмогъ нерѣшимость моего разума.

Видѣлъ я, что провождающіе въ мірѣ мятежную жизнь, приносятъ пользу другимъ, но себѣ бесполезны; вдаются многимъ безпокойствамъ, нарушая сладость собственнаго своего спокойствія. Видѣлъ также и то, что удаленные совершенно отъ общества, живутъ покойнѣе, и ихъ разумъ, отвлеченный отъ всякаго попеченія, способенѣе къ Богомыслию; но тѣмъ самымъ они только себя пользуютъ, проводя жизнь суровую и уединенную. Я избралъ для себя сере-